

На правах рукописи

Харин Егор Сергеевич
Древнерусское монашество в XI – XIII вв.: быт и нравы.

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2007

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего
и профессионального образования
«Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Пузанов Виктор Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Атаманов Михаил Гаврилович
кандидат исторических наук
Гайденко Павел Иванович

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Защита состоится «__» ноября 2007 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, кор. 2.

Автореферат разослан «_____» октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Религиозное сознание средневекового человека концентрировалось в аскетическом идеале эпохи – монашестве. Древнерусская монастырская среда впитала в себя два компонента. Первый – это общехристианская традиция, т. е. такие формы быта и нравственные установки, которые уже достаточно давно существовали на христианском Востоке и были восприняты на Руси как часть церковного обихода. Второй компонент – это славянская традиция, т. е. те особенности быта и нравов древнерусских иноков, которые сложились в результате усвоения монашеских идеалов славянской средой. Наибольший интерес для настоящего исследования представляет именно второй компонент – славянская традиция. При всем стремлении отойти от суеты мира, обитатели Древней Руси не могли не контактировать с окружающей действительностью. Она, безусловно, влияла на формы бытового уклада и особенности нравственной жизни древнерусских иноков. Следовательно, изучение этого компонента в монастырской среде открывает дополнительные познавательные возможности для понимания особенностей быта и нравов всего древнерусского социума.

Большинство древнерусских письменных источников вышли из монастырской среды. Следовательно, наши представления о сознании древнерусского человека в значительной мере опосредованы монашеским сознанием и мы, вольно или не вольно, смотрим на мир Древней Руси «монашескими глазами». Поэтому перед исследователем-медиевистом возникает вопрос, насколько хорошо изучен «мира летописца» - монастырская жизнь, чтобы можно было разделить, где в источнике отражены явления, характерные для всего древнерусского социума, а где проявления исключительно монашеского сообщества. Это тем более важно в связи с тем, что отечественные историки до последнего времени почти не уделяли внимания рассматриваемой теме. Поэтому изучение монастырского быта и нравов XI – XIII вв. имеет большое значение как исследование контекста создания большинства древнерусских письменных источников. При этом под понятием «быт» следует

понимать совокупность таких элементов как повседневные занятия, одежда, рацион, устройство жилища, организационные структуры и т. д. Понятие «нравы» включает в себя духовную жизнь монастыря, особенности религиозного и духовно-нравственного восприятия различных явлений из жизни древнерусских обителей и своеобразную монастырскую аксиологию (положительные и отрицательные поведенческие установки).

Объект настоящего исследования – древнерусское монашество XI – XIII вв. Греческое слово «монах» («один», «живущий в уединении») нашло себе в русском языке очень выразительный синоним — «инок», то есть человек, живущий иным образом, нежели остальные люди¹. Древнерусское монашество как носитель этого «иноного жития» и составляет объект настоящего исследования.

Предмет исследования – быт и нравы мужских общежительных монастырей, находившихся вблизи крупнейших центров древнерусской государственности – Киева и Новгорода в конце XI – первой трети XIII вв. Выбор объясняется, главным образом, степенью сохранности источников.

Степень изученности проблемы. Хронологически историографию вопроса можно поделить на дореволюционный (XIX в.– нач. XX в.), советский (1917 – 90-е гг.) и современный этапы.

Дореволюционную историографию проблемы исследователи разделяют на два направления - «школу историков-иерархов» (еп. Амвросий (Орнатский), митр. Макарий (Булгаков), архиеп. Филарет (Гумилевский)²) и светскую историческую науку³. Различаясь по методам исследования, оба направления рассматривали такие вопросы как происхождение института монастырей (П. Казанский⁴, И.И.Соколов¹), особенности монастырского бого-

---

¹ Никон, иеромон. Монастыри и монашество на Руси (X-XII вв.) [Текст] / иеромон. Никон // Вопросы истории. - № 12 - 1991. - С.23.

² Орнатский, А. епископ. Древнерусские иноческие уставы. [Текст] / епископ А. Орнатский. - М. 2001. - 367 с.; Булгаков, Макарий, митрополит. История Русской Церкви. [Текст] / митрополит Макарий (Булгаков). - Т. 2. - М., 1995; Гумилевский, Филарет, архиепископ. Историческое учение об отцах Церкви. [Текст] / архиепископ Филарет (Гумилевский). - СПб., 1882. 875 с.

³ Плигузов, А. Об изучении средневековой истории Русской Церкви // <http://www.sfi.ru/page=1>.

⁴ Казанский, П. История православного монашества на Востоке. [Текст] / П. Казанский. - М., 1854.

служения (М. Скалланович², И. Мансветов³), душепопечительская деятельность древнерусских монастырей (В.О. Ключевский⁴, А. Алмазов⁵, С.И. Смирнов⁶) и др. Определенных успехов дореволюционная историография достигла в изучении быта монахов Древней Руси. В трудах митр. Макария и Е. Е. Голубинского присутствуют достаточно подробные описания быта и нравов древнерусских иноков⁷. Однако картина жизни иноков у этих авторов чересчур дискретна и представлена в значительной степени изолированной от «мирской» части древнерусского социума. Между тем, древнерусское монашество не было замкнутой системой и находилось в тесной взаимосвязи с внешним миром, влияло на повседневную жизнь древнерусского общества и само испытывало его влияние.

В советской историографии, посвященной монашеству и монастырям, рассматривалось несколько основных проблем. Первая из них – это изучение монастырского землевладения (В.Т. Пашуто⁸, И.У. Будовниц⁹, И.Я. Фроянов¹⁰, Н.Г. Подвигина¹¹, В.Л. Янин¹², Н.М. Никольский¹³, Я.Н. Щапов¹⁴, Я.Е. Водарский¹⁵, С.Б. Веселовский¹). Еще одна разработанная тема - вопрос об архимандритиях - особой городской организации черного духовенства в

---

¹ Соколов, И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века. [Текст] / И.И. Соколов. - Казань, 1894.

² Скалланович, М. Толковый типикон. [Текст] / М. Скалланович. - Киев, 1910.

³ Мансветов, И. Студийский монастырь и его церковно-богослужбные порядки. [Текст] / И. Мансветов // Прибавления к творениям святых отцов, 1884.

⁴ Ключевский, В. О. Сочинения. Курс русской истории. [Текст] / В. О. Ключевский. - Т.1. Ч. 1, 2. - М., 1956.

⁵ Алмазов, А. Тайная исповедь в православной Восточной Церкви. [Текст] / А. Алмазов. - Одесса, 1894.

⁶ Смирнов, С. Древнерусский духовник. [Текст] / С. Смирнов. - М., 1913.

⁷ Булгаков, Макарий, митрополит. История Русской Церкви. [Текст] / митрополит Макарий (Булгаков). - Т. 2. - М., 1995. - С. 101 –110; Голубинский, Е.Е. История Русской Церкви. [Текст] / Е.Е. Голубинский. - Т. 1, 2-я пол.- М., 1904. - С. 553-790.

⁸ Пашуто, В.Т. История Галицко-Волынского княжества. [Текст] / В.Т. Пашуто М., 1956. - С. 180-181.

⁹ Будовниц, И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI вв. [Текст] / И.У. Будовниц. - М., 1966. - С. 27-73.

¹⁰ Фроянов, И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории [Текст] / И.Я. Фроянов. - Л., 1974. - С. 80-81.

¹¹ Подвигина, Н.Г. Очерки социально-экономической истории Великого Новгорода. [Текст] / Н.Г. Подвигина. - М., 1976. - С. 36, 44-47.

¹² Янин, В.Л. Очерки комплексного источниковедения. [Текст] / В.Л. Янин. - М., 1977. - С. 60-80.

¹³ Никольский, Н.М. История русской церкви. [Текст] / Н.М. Никольский М., 1983.

¹⁴ Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси в X-XIII вв. [Текст] / Я. Н. Щапов. - М., 1989. С. 149-154.

¹⁵ Водарский, Я.Е. Землевладение в русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (X-XX вв.) [Текст] / Я.Е. Водарский // Русское православие: Вехи истории. - М., 1989. - С. 513-515.

ва в городе, обладавшей, по мнению исследователей, особым статусом (В.Л. Янин, Я.Н.Щапов, Е.И. Соколова²). Кроме того, изучались монастырские уставы, имевшие хождение на Руси (И.Д. Ищенко³). Постоянно производился поиск новых источников, принесших существенные изменения в уже устоявшиеся выводы о развитии монастырей и их хозяйства (В.И. Корецкий⁴, А.И. Семенов⁵, Б.А. Рыбаков⁶, Н.Ф. Андреев⁷).

Несколько выдвигается из общего ряда монография Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси»⁸, в которой уделяется значительное внимание реконструкции монастырской повседневности. К сожалению, автор почти не исследовал церковно-канонические источники, что не позволило сделать эту картину максимально полной.

Своеобразным ответом советской исторической науки на возрождающийся интерес к духовной жизни прошлого стала монография «Черное воинство» Г. Г. Прошина⁹. Оно посвящено месту и роли монастырей в духовно-нравственной жизни древнерусского общества и их внутреннему устройству. Изложенное в стиле политической «агитки» исследование страдает не только множеством неточностей и искажений, но и необъективностью.

---

¹ Веселовский, С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. [Текст] / С.Б. Веселовский. - Т. 1. - М., 1997. - С. 329-330.

² Янин, В.Л. Указ. соч. С. 136-150; Щапов, Я.Н., Соколова, Е.И. К истории городских институтов... С. 173-178; Щапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси в X-XIII вв. [Текст] / Я. Н. Щапов. - М., 1989. - С. 157-163.

³ Ищенко, Д.С. Древнерусская рукопись XII века «Устав Студийский». [Текст] / Д.С. Ищенко: Авто-реф. дис. канд. филол. наук. - Одесса, 1968. Он же. Устав «Студийский» по списку XII века. [Текст] / Д.С. Ищенко // Источники по истории русского языка. - М., 1976. - С. 109-130; Ищенко, Д.С. Церковные и монастырские уставы. [Текст] / Д.С. Ищенко // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. - Вып. 2, ч. 2. - М., 1976.

⁴ Корецкий, В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. [Текст] / В.И. Корецкий // Исторический архив. 1955. №5. - С. 204-207.

⁵ Семенов, А.И. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. [Текст] / Семенов А.И. // Новгородский исторический сборник. - Новгород, 1959. - Вып. 9. - С. 215-218.

⁶ Рыбаков, Б.А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. [Текст] / Б.А. Рыбаков. - М., 1964. Он же. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи. [Текст] / Рыбаков Б.А. // Восточная Европа в древности и средневековье. - М., 1978.

⁷ Андреев, Н.Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского. [Текст] / Н.Ф. Андреев // Проблемы отечественной истории.- М., 1976.

⁸ Романов, Б.А. Люди и нравы Древней Руси. [Текст] / Б.А. Романов // От Корсуни до Калки. - М.: Молодая гвардия, 1990.

⁹ Прошин, Г. Г. Черное воинство: (Русский православный монастырь. Легенда и быль). [Текст] / Г. Г. Прошин. - М.: Политиздат, 1988.

Таким образом, можно сказать, что советская историография не чуждалась вопросов изучения монастырского быта и нравов, но не создала специальных исследований по данной тематике.

Следует особо выделить русскую эмигрантскую историческую науку (А. В. Карташев¹, И. М. Концевича², Г. Федотов³, И. К. Смолич⁴). Для нее в отношении изучения древнерусского иночества характерны попытки осмыслить древнерусскую святость, увидеть ее исторические истоки, обозначить степень ее влияния на древнерусский социум. Реконструкции монастырского быта представлены только в исследованиях И. К. Смолича. Однако построены они, в основном, на поздних источниках - на так называемых Обиходниках и относятся к XVII в.

Отдельные вопросы истории монастырского быта изучались зарубежной историографией: влияние восточнохристианского богословия на внутренний мир древнерусских авторов (Г. Подскальский⁵), повседневность средневекового монастыря в Западной Европе (Л. Мулен⁶), особенности монастырского богослужения (Р. Тафт⁷).

На современном этапе историография вопроса представлена и церковными⁸ и светскими⁹ исследованиями. Среди них особо следует отметить

---

¹ Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви. [Текст] / А.В. Карташев. - М.: Терра, 1993.

² Концевич, И.Н. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. [Текст] / И.Н. Концевич. ИО МП РПЦ, 1993.

³ Федотов, Г. Святые Древней Руси. [Текст] / Г. Федотов. - М.: Московский рабочий, 1990.

⁴ Смолич, И.К. Русское монашество. [Текст] / И.К. Смолич. - М.: Православная энциклопедия, 1999.

⁵ Подскальский, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. 988-1237. [Текст] / Г. Подскальский. - СПб., 1996.

⁶ Мулен, Л. Повседневная жизнь монахов средневековой Европы. [Текст] / Л. Мулен. - М., 2005.

⁷ Тафт, Р. Византийский церковный обряд. [Текст] / Р. Тафт. - СПб., 2005.

⁸ Никон, иеромон. Монастыри и монашество на Руси (X-XII вв.) [Текст] / иеромон. Никон // Вопросы истории. - № 12 - 1991. С.23-37; Экономцев, Иоанн, иг. Православие. Византия. Россия. [Текст] / иг. Иоанн Экономцев. - М., 1992; Снычев, Иоанн, митрополит. Русская симфония. [Текст] / митрополит Иоанн. - СПб. 2001; Алфеев, Илларион, игумен. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание. [Текст] / игумен Илларион (Алфеев). - СПб., 2001.

⁹ Прохоров, Г. М., Водолазкин, Е.Г., Шевченко, Е.Э. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. [Текст] / Г. М. Прохоров, Е.Г. Водолазкин, Е.Э. Шевченко. - СПб., 1993; Усков, Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе. [Текст] / Н.Ф. Усков. - СПб.: Алетейя, 2001; Бълхова, М. И. Монастыри на Руси XI - середины XIV века [Текст] / М. И. Бълхова // Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки [Отв. ред. Н.В. Синецкина]; Ин-т российской

монографию Е. Романенко «Жизнь русского средневекового монастыря»¹, которая охватывает все возможные стороны монастырской действительности. Описываемая автором повседневность относится ко времени второго расцвета института монашества Руси (XIV – XV вв.) и основана на поздних источниках.

Таким образом, несмотря на широкий круг исследований, в которых поднималась рассматриваемая тема, до настоящего времени отсутствует комплексное исследование быта и нравов древнерусского монашества XI–первой трети XIII вв.

Цель работы - реконструкция быта и нравов древнерусского монашества XI — первой трети XIII вв. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1. Выявление возможностей церковно-канонических источников для восстановления подробностей быта домонгольских общежительных монастырей.
2. Реконструкция по имеющимся источникам особенностей бытового уклада и образа жизни монаха Киевской Руси.
3. Анализ форм взаимодействия монастырей с внешним миром.

Хронологические рамки исследования охватывают первые века существования собственно русского иночества – XI - первая треть XIII вв. В данный отрезок времени древнерусское монашество пережило свой первый расцвет, связанный с деятельностью преп. Феодосия Печерского, распространением Студийского устава и т. д.

Источниковая база исследования. Можно выделить два основных вида источников, использованных в настоящем исследовании. Это - каноническое право и агиография. К источникам канонического права относятся, пре-

---

истории. - М.: Наука, 2002; Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. [Текст] / П.Н. Зырянов. - М., 2002.

¹ Романенко Е. Жизнь русского средневекового монастыря.- М., 2002.

жде всего, монастырские уставы, сборники канонов и богослужебная литература, к агиографии - Жития, Патерики.

Основу монастырской жизни, начиная с самого ее возникновения, составляют Устав или Типикон - церковно-богослужебная книга, излагающая в систематическом виде порядок, образец совершения служб и основные правила монашеского жития для общежительных монастырей. При всем многообразии византийских монастырских уставов, на Руси были распространены лишь два из них. Это были типики знаменитейших представителей монашества — Иерусалимский (св. Саввы Освященного), Студийский (св. Феодора Студита). По своему содержанию монастырские уставы распадаются на две части: литургическую и дисциплинарную. Первая содержит предписания относительно богослужения, а вторая — относительно управления монастырем, поведения монахов, трапезы и одежды иноков. Для настоящего исследования наибольший интерес дисциплинарная часть Студийско-Алексиевского устава (XI—XII вв.)¹. Именно этот устав долгое время был регулятором монашеской жизни на Руси. Кроме того, были использованы Устав Свято - Пантелеимонова Русского Афонского монастыря, Устав сербского монастыря Хилендар – оба документа имеют афонское происхождение и фиксируют древние монастырские традиции. Кроме того, использовался и один из ветковских иноческих уставов², т. к. старообрядческая среда сохранила многие древнерусские монастырские обычаи.

Другим источником канонического характера являются нормативные акты, регулирующие церковную жизнь: разного рода правила, княжеские уставы, Кормчие книги и другие сборники правил. В настоящей работе использован наиболее полный сборник церковно-канонического права - Книга правил (Номоканон) в церковно-славянском переводе 1893 г.³

---

¹ Устав церковный, XII в. ОР РНБ, Соф. 113.

² Кратчайшее изложение догматов и преданий, чинов же и обрядов, и обычаев древлеправославно-кафалической ветковския церкви // Старообрядческий церковный календарь. - М.: Церковь, 1994.

³ Книга Правил. - М., 1893.

Сходной по своему каноническому характеру с Уставами источником можно назвать богослужебную литературу. В настоящем исследовании использованы неопубликованные ранее Триодь Цветная¹ и Постная² и оригинальные службы русским святым, составленные в домонгольский период (службы преп. Антонию и Феодосию Печерским и др.³). Для реконструкции обряда пострига был использован хранящийся в Библиотеке Академии наук фрагмент требника XII в. с чинопоследованием пострижения⁴.

Значимым источником по истории древнерусского монашества является агиография. Особый интерес представляют Житие Феодосия Печерского и Киево-Печерский Патерик. Житие дошло в самостоятельном виде в составе Успенского сборника XII в.⁵ В нем приведены многочисленные бытовые подробности из жизни иноков эпохи преп. Феодосия Печерского. Из всего множества редакций Киево-Печерского Патерика были использованы два его варианта. Первый – это печатное издание 1661 г. Киево-Печерской Лавры. Данный текст признан исследователями в качестве наиболее полной, основной редакции. Факсимильное его переиздание было предпринято в Киеве в 1869 г. Кроме того, исследовался еще один более ранний вариант - список Киево-Печерского патерика, хранящийся в РНБ⁶. Рукопись обычно датируют кон. XV – нач. XVI в. Она является списком с Патерика, переписанного в 1317 г. в Киеве при князе Иване Даниловиче и митрополите Петре. Список близок к протографу.

Незаменимым источником по истории монастырской действительности остаются летописи. Они дополняют канонические тексты и содержат неупомянутые другими источниками сведения, касающиеся отношений монастырей и их игуменов с княжеской властью. Летописные своды содержали многочисленные житийные вставки, лишь впоследствии организованные в от-

---

¹ Триодь цветная. - НИОР БАН. - 4.5.13.

² Триодь постная. - НИОР БАН. - 4. 5.14.

³ Преподобные отцы наши Антоний и Феодосий Печерские.- К.: Українські пропилеї, 2002.

⁴ Чин пострижения иноком. НИОР БАН, 4. 5. 20.

⁵ Памятник опубликован - Житие Феодосия//Библиотека литературы Древней Руси. XI – XII вв. - Т. 1. - СПб., 2000.

⁶ Киево-Печерский патерик. - РНБ – Собр. Ю. А. Яворского. - Ф. 893.- № 9.

дельные агиографические произведения. Источник богат на специфические монашеские воззрения на происходящие вокруг монастыря события, различные «небесные знамения» и т. п. Именно летописи отмечают вопросы канонизации первых русских святых, в том числе и первых русских преподобных, что имеет непосредственное отношение к вопросам нравственного и религиозного состояния русского иночества XI – XIII вв.

Для бытописания представляют интерес археологические данные. Древнерусская литература не богата на описания одежды, предметов быта и особенностей интерьера. Только археологические реконструкции способны заполнить данную лакуну, поэтому обращение к археологическим источникам (исследованиям монашеских погребений, древнерусской монастырской архитектуры и древнерусского костюма) так же необходимо.

Специфика среды позволяет, говоря о быте, обращаться и к современному опыту. В этом смысле дополнительным источником стал материал, собранный в современных монастырях Русской Православной Церкви. Для ознакомления с традициями монастырского быта автором диссертации были предприняты многочисленные поездки в некоторые из них (Киево – Печерскую Лавру, Свято-Троице-Сергиеву Лавру, в Свято-Данилов, Донской и Покровский монастыри г. Москвы). Особенно полезны были поездки в обители, сохранившие древний монастырский уклад - Китаевскую пустынь, Святогорский мужской монастырь Воронежской епархии, Седмиезерную пустынь Казанской епархии, Псково-Печерский монастырь и ряд других монастырей. В результате этой деятельности были отмечены специфические черты современного монастырского уклада. Знание этих черт позволяет устранить опасность возможной модернизации материала.

Таким образом, исследователь монастырской повседневности располагает целым рядом исторических источников, позволяющих произвести реконструкцию отдельных сторон быта и нравов монастырей в Древней Руси.

Методология исследования. В основе методологии работы лежит концепция повседневности. «Под повседневностью понимают «нечто при-

вычное, близкое, упорядоченное... Человек не "фиксирован" (инстинктом – Е. Х.) и, в соответствии со своей природой, должен изобретать намеченный лишь весьма приблизительно порядок, создавать свой мир. В процессе привыкания и освоения его навыки преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т.п. — всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться»¹. Этот внутренний, привычный для человека мир может становиться объектом исторического исследования. «Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который... мы воспринимаем в его традиционности и привычности и который доступен наблюдению»².

Изучение проблем повседневности требует от исследователя привлечения разнообразных методологических принципов. Первый из них это особое отношение к источникам. Исследователю повседневности необходимо обращать внимание на всевозможные девиантные формы поведения. Его нормы, ценности тех или иных социокультурных групп — все, что включает в себя понятие повседневность, — иногда представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах³. Среди методов изучения повседневности стоит отметить качественный анализ документов, когда особое внимание при работе с текстом источника уделяется существительным, обозначающим бытовые реалии.

Включение в число исследовательских задач реконструкции «глубинной программы всех видов человеческой деятельности, заложенной в куль-

---

¹ Худенко, В. Повседневность в лабиринте рациональности. [Текст] / В. Худенко // Социологические исследования. - № 4. - 1993. - С. 69.

² Ионин, Л.Г. Социология культуры. [Текст] / Л.Г. Ионин. — М.: Логос, 1996. - С. 108 - 109.

³ Козлова, Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей. [Текст] / Н.Н. Козлова // Общественные науки и современность. - № 3. - 1992. - С. 48.

турной традиции социального универсума»¹ свидетельствует о частичном использовании в настоящем исследовании антропологического подхода. Среди его методов особо отметим анализ эпизода, как наиболее актуальный для исследования повседневности.

Кроме того, в процессе реконструкции монастырской повседневности, наряду с совокупностью общенаучных (системный анализ, синтез, дедукция), использовались и специально-научные методы. Ретроспективный метод использовался в процессе восстановления таких элементов повседневности как инициальная обрядность, символика костюма, внутренняя иерархия монастырского социума, формы межличностных отношений. Историко-генетический и сравнительно-исторический методы использовались для выявления особенностей генезиса института монашества на Руси X – XIII вв. Историко-системный метод исследования был задействован при изучении форм и способов взаимодействия монастыря с внешней, мирской частью социума. Для реконструкции особенностей монастырского богослужения использовался метод включения и исторического моделирования.

Таким образом, исследователь, используя весь методологический комплекс, может реконструировать особенности монастырской повседневности Древней Руси XI – XIII вв.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что впервые предпринимается комплексная реконструкция всех возможных сторон быта монастырей XI – первой трети XIII вв.

Научная и практическая значимость работы. Исследование монастырской повседневности позволит по-новому взглянуть на внутренний мир древнерусского социума с более объективных позиций, т. к. исследователь – медиевист сможет учитывать контекст создания письменного исторического источника. Полученный в результате исследования материал может быть ис-

---

¹ Репина, Л. П., Зверева, В. В., Парамонова, М. Ю. История исторического знания. [Текст] / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – С. 235.

пользован при разработке общих лекционных курсов по истории русской культуры, отечественному источниковедению, комплексу вспомогательных исторических дисциплин, а также при написании учебных и методических работ. Выводы диссертации могут быть задействованы при чтении спецкурса «Монастыри России». Социальная значимость настоящего исследования связана с необходимостью осмысления явления монашества на Руси на фоне постоянно возрастающего общественного интереса к духовной жизни российского общества в прошлом.

Апробация работы. По теме диссертации были прочитаны и обсуждены доклады на научных конференциях: VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (Ижевск, 2003); VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска (Ижевск, 2005), Всероссийская научно-практическая конференция «Общественно-политическая мысль России: традиции и новации» (Ижевск, 2006). Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 8 публикациях автора.

Структура работы обусловлена решением поставленных задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы и ее научная новизна, определяется объект и предмет исследования, указываются хронологические рамки, формулируются цель и задачи работы, характеризуется источниковая база, методология и структура диссертационного исследования.

Первая глава «ИНСТИТУТ МОНАШЕСТВА – ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ» посвящена истории зарождения монашества и состоит из двух параграфов. В первом параграфе «**Происхождение института монашества**» раскрываются причины появления на христианском Востоке в IV в. такого многогранного явления как монашество и его развитие в первые века существования. По справедливому замечанию протоиерея А. Шмемана «Монашество есть не

что иное, как воплощение в новых условиях того исконного, евангельского понимания христианства, которое определяло собою жизнь всей ранней Церкви... С самого начала также и идеал девства и вообще вольного отказа от тех или иных, не плохих самих по себе, благ, развивался параллельно с мученичеством. Когда же это последнее исчезло, монашество не могло не стать всем, что мученичество воплощало и выражало»¹. Первые отшельники появляются уже в начале IV в. на территории Египта. Затем распространилось в Палестину, а в V в. иночество процветало уже в Сирии и на Синайском полуострове. В течение IV-VI вв. восточное монашество стало играть чрезвычайно важную роль в жизни Церкви – именно монашество в борьбе за почитание икон обеспечило торжество иконопочитания. После поражения иконоборчества (первая фаза его продолжалась с 726 по 780 гг., а вторая с 802 по 842 гг.) монашество вступило в самый блистательный период своей истории. Возрастает число обителей, влияние монахов становится настолько сильным, что современники называли Византию «царством монахов», а свое время — «эпохой монашеской славы»². В зените этой славы монашество и приходит на Русь.

Во втором параграфе «**Распространение монашества в Древней Руси**» раскрываются особенности распространения этого института на Руси X в. – нач. XIII в. Русь, приняв христианство из Византии, вместе с остальной церковной культурой восприняла и монашество, как неотъемлемую ее часть. К времени принятия Русью христианства византийское монашество переживало очередной подъем. Вот почему монашество Руси сразу заняло подобающее ему место и прочно закрепилось в религиозной жизни древнерусского общества. Монастыри становятся своеобразным символом благосостояния князя или архиерея, отсюда большой рост числа так называемых «ктиторских» монастырей, т.е. обителей, живущих не своим трудом, а на средства мецената - ктитора. Всего до середины XIII в. можно насчитать

---

¹ Шмеман, А. прот. Исторический путь православия. [Текст] / прот. А. Шмеман. - PARIS: YMCA-PRESS, 1985. - С. 145-147.

² Карташов, А.В. Вселенские соборы. [Текст] / А.В. Карташов. - М.: Республика, 1994. - С.243.

до 70 обителей, расположенных в городах и их окрестностях¹. И только лишь с появлением Печерского монастыря - обители, основанной монахом можно говорить о начале собственно русского иночества. Основателем первой русской обители был преп. Антоний Печерский и уже при его постриженнике – преп. Феодосии древнерусское монашество вышло на высокий духовно-нравственный и организационный уровень развития. Эпоха Феодосия, связанная с введением Студийского устава и усвоением на русской почве идеалов преп. Феодора, стала временем первого расцвета института монашества на Руси. Это время, когда монастырь сочетает в себе черты духовного, социально активного, интеллектуального центра, находящегося в тесной взаимосвязи с древнерусским полисом. Однако уже Житие Авраамия Смоленского (преставился в 1219 или 1220 г.²) свидетельствует о том, что древнерусское домонгольское монашество уже тогда вступило в полосу упадка. Нельзя забывать, что причина этого заключена не в самом тогда еще новом для Руси монашестве, а в тогдашних условиях государственно-политической и церковной жизни. Внутренняя зрелость и сила иночества покоится на многолетнем непрерывном духовном делании, а древнерусский черноризец такой духовной школы пройти еще не успел. Век Феодосия был слишком краток и его влияние сохранялось в 1-2 поколениях монастырской братии; русское монашество еще не впитало в себя всего аскетического опыта иночества, не усвоило основ общежития³. Поэтому проявился упадок, прежде всего, в значительном обмирщении быта монастырей и возврате к единоличным формам монастырской жизни.

Вторая глава «БЫТ МОНАСТЫРЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ» начинается с реконструкции (на основе археологических данных) внешнего устройства первых русских обителей (§ 1. **Выбор места для древнерусских монастырей и их внешнее устройство**). Здесь же исследованы традиции основания первых

---

¹ Булгаков, Макарий, митрополит. История Русской Церкви. [Текст] / митрополит Макарий (Булгаков). - Т. II. - М., 1995. – С. 668.

² Гумилевский, Филарет, архиепископ. Историческое учение об отцах Церкви. [Текст] / архиепископ Филарет (Гумилевский). - СПб., 1882. - С. 627.

³ Смолич, И.К. Русское монашество. [Текст] / И.К. Смолич. - М.: Православная энциклопедия, 1999. – С. 43.

древнерусских монастырей, религиозное восприятие отдельных монастырских зданий и всего комплекса обители. Например, уже в домонгольский период происходит складывание благочестивой традиции, несвязанной с восточным заимствованием, связывать основание монастыря с каким-либо чудесным сверхъестественным событием. Общежительные монастыри строились по плану четырехугольника. Центром монастыря был соборный храм, отдельным зданием уже в древнерусский период была трапезная, монашеские кельи, «игуменский корпус». Особое значение придавалось в древнерусских монастырях Святым вратам – их украшали иконами, позднее – надвратным храмом. Они должны были напоминать входящему об особой святости места. Источники сообщают о том, что даже князья спешивались и проходили через монастырские ворота.

Важной частью монастырского быта была инициальная обрядность. Поэтому далее на основе неопубликованного ранее Требника XII в., Жития Феодосия и Печерского Патерика воссоздаются обряды постепенного вступления мирянина в древнерусскую монашескую общину (§ 2. **Поступление в монастырь**). Вероятно, постриги в Древней Руси обычно совершались в воскресный день седмицы¹. В присутствии всей братии новоначальный монах проносил монашеские обеты: послушания, нестяжания и целомудренной жизни. После символического пострижения волос, на него надевали соответствующие его чину одежды.

Кроме того, в параграфе исследуются канонические правила, регулировавшие поступление в монастырь и обязанности монаха по отношению к монастырю. Здесь же поднят вопрос бытования в Древней Руси различных степеней монашества и особенности принятия высшей его степени – великой схимы. На Руси сложился взгляд на великую схиму как на нечто не обязательное для всех монахов, и вместе с тем спасительное уже само по себе, без соответствующих подвигов. На этом основании на Руси начали принимать

---

¹ Никон, иеромон. Монастыри и монашество на Руси (X-XII вв.) [Текст] / иеромон. Никон // Вопросы истории. - № 12 - 1991. - С.23.

великую схиму не все монахи, а только некоторые из них и притом только в глубокой старости и даже перед самой смертью.

В заключение указаны особенности постригальной обрядности в древнерусских женских монастырях. Например, предпостригальное умовение ног и обычай полностью остригать волосы после пострига.

Параграф 3 «**Одежда монахов**» посвящен реконструкции одежды монахов. Воссоздание костюма производилось на основе Студийского устава и археологических данных; функциональное назначение отдельных частей костюма почерпнуто из Патерика, а придаваемое различным его частям значение - из более позднего устава – Ока церковного 1469 г. Отличительной одеждой монаха и верхним одеянием являлась мантия (от греческого слова «μῆτρατιον» - плащ). Именно мантия означала, что ее носитель принес монашеские обеты. Поэтому, мантию запрещалось снимать без особой надобности. Кроме того, здесь же рассмотрен вопрос о ношении монахами Древней Руси определенной прически (т. н. «гуменца» - выбритой макушки), вопросы личной гигиены монашествующих и аскетические традиции в одежде, ношение вериг и т.д.

Отдельный вопрос – это исследование монастырской иерархии (§ 4 «**Монастырская иерархия**»). Повседневная жизнь каждого отдельно взятого монаха в значительной мере зависела от того положения, которое он занимал в ней. Этим положением определялся его статус в монастырском социуме, род его занятий, уровень личного благосостояния и даже степень свободы передвижения. Здесь же рассматривается вопрос о роли игумена монастыря в его повседневной жизни, обряд возведения в игумены или архимандриты. Поскольку явление архимандритии на Руси ранее уже исследовалось Я. Н. Щаповым, то оно упоминается лишь как особенность бытования игуменского звания на Руси.

Кроме игумена в монастырском обиходе значительную роль играли келарь, отвечавший за хозяйственную часть, благочинный, руководивший богослужением. Игумен, келарь и благочинный вместе с другими иеромонаха-

ми и старцами составляли своеобразную монастырскую «аристократию» - старшую братию обители. Именно эта группа определяла весь жизненный уклад каждой обители Древней Руси.

Незаменимая часть исследования монастырской повседневности - реконструкция рациона монахов Древней Руси в течение всего года (§ 5 «Трапеза»). Монастырская традиция внимательно относилась к пищевой дисциплине, справедливо считая ее одним из видов аскетического труда. Регламентировалось количество приемов пищи в день (не более двух), место принятия пищи (только в трапезе), количество и ассортимент продуктов. Все это зависело от 4 кругов: суточного (т.е. в определенное время суток полагалось есть определенное количество пищи); седмичного (т.е. по дням недели, например, среда и пятница — постные дни, а Воскресение — праздничный день); годового (в дни непереходящих праздников полагалась более обильная трапеза); предпасхального (самим строгим постом был Великий пост, предварявший Пасху). Продолжительных постов в древнерусский период было меньше, чем в современном месяцеслове, при этом большее значение придавалось времени принятия пищи и ее количеству.

Так же подверглись исследованию жилище, келейное имущество, традиции повседневного общения (§ 6 «Кельи монахов»). Сведения о бытовых подробностях довольно редко встречаются на страницах житий. Русские монахи умели уделять немного внимания этой стороне земной жизни. Все, что мы знаем о быте иноков, известно главным образом из достаточно поздних описей монастырского имущества. Сохранившиеся предметы обихода и предметы монашеской одежды домонгольского периода являются бесценным дополнением к этой не очень подробной картине, однако по ним трудно судить о древнерусском периоде. С уверенностью можно утверждать только то, что быт монахов определялся основными правилами общежительного монастыря: всем иметь все равное, простое и дешевое,

нужное, а не излишнее, и ничего не называть своим. Из мебели употреблялась лежанка, аналой¹.

От степени доходности монастыря зависел уровень жизни иноков. Следовательно, важным вопросом представляется исследование источников доходов монастырей в Древней Руси (§ 7 «**Доходы монастыре**»). Традиционно считалось, что основным источником монастырских доходов было землевладение. Представляется, что это характерно для значительно более позднего периода - для эпохи преп. Феодосия основным источником доходов будут являться вклады и добровольные пожертвования мирян вместе с результатами монастырского хозяйства силами самих монахов. По справедливому замечанию И. Я. Фроянова большое значение в бюджете монастырей на Руси XI-XII веков приобрело так же предоставление им князьями права сбора доходов с волостей².

Таким образом, важный результат данной части исследования - вывод о положительной возможности для реконструкции особенностей быта и нравов обозначенной источниковой базы. Применяя метод ретроспекции и критического анализа источника, были впервые реконструированы такие важные страницы монастырской повседневности как постриг, трапеза, келейный быт иноков.

Третья глава исследования – «ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МОНАСТЫРЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ» посвящена исследованию нравственного климата древнерусских монастырей. Центр духовно-нравственной жизни любого монастыря – богослужение (§ 1 «**Богослужение в древнерусских монастырях**»). Монастырское богослужение в Древней Руси носило особый характер и отличалось от мирского, не только продолжительностью, но и внутренним строем и особой назидательностью. В течение суток в монастырях обычно совершалось около десятка различных богослужений и ежедневно вычитывалось два или три поучения из аскетической литературы. Отдельный вопрос

---

¹ Преподобные отцы наши Антоний и Феодосий Печерские. Киев: Українські пропилеї, 2002. С. 123.

² Фроянов, И.Я. Начало христианства на Руси [Текст] / И.Я. Фроянов. - Ижевск, 2003. - С. 119.

– это количество индивидуальных, келейных молитв. Исследование источников показало, что в Древней Руси келейное правило – частная самостоятельная молитва инока – было весьма объемным.

Важную составляющую монастырской действительности Древней Руси составляло почитание различных святынь (§ 2 «**Монастырские святыни**»). Это могли быть чудотворные иконы, мощи святых и принадлежавшие им предметы. Перед святынями молились, к ним прикладывались, прося исцеления. Ради поклонения им монастырь был посещаем паломниками. Таким образом, можно утверждать, что в древнерусских обителях существовала своеобразная культура поклонения различным реликвиям. Она играла важную роль в их духовной жизни и, порой, выступала в качестве «градообразующего» фактора.

Неотъемлемая часть любой повседневности - болезнь и смерть, и их восприятие в древнерусском монастыре (§ 3 «**Болезнь и смерть в древнерусском монастыре**»). Безусловно, особенность среды порождала специфику восприятия болезни и смерти, особенное отношение к болящим и почившим братьям. Так, болезни воспринимались монахами двояко. С одной стороны, как наказание за грехи. С другой – как средство спасения своей души, дарованное Богом. В любом случае переносить их необходимо было безропотно, благодаря за все Бога. Для ухода за больными монахами в древнерусских монастырях существовала специальная должность «больничного» брата. Справедливости ради, отметим, что немощные несостоятельные иноки иногда оказывались без надлежащего попечения.

Специфика среды породила особое, несвойственное остальному древнерусскому обществу, отношение к смерти. В монастырях она воспринималась как средство избавления от скорбей и приобретение вечного блаженства в загробном мире. Потому в древнерусских источниках, имеющих монастырское происхождение, практически отсутствует страх перед смертью. Монах был уверен, что с окончанием земных дней не заканчивается его существование.

Однако монастырские воззрения имели определенную специфику – восприятие своего монастыря как святого места, спасительного самого по себе, породило особое «братское» отношение к почившим монахам. После смерти монах оставался частью братства, присоединяясь к лучшей его части – святым. Исходя из этих воззрений, строился погребальный культ в монастырях Древней Руси.

Своеобразной была монастырская аксиология (§ 4 **«Восприятие святости и греховности в древнерусском монастыре»**). С точки зрения изучения повседневности небезынтересно знать, что почиталась в древнерусском монастыре за святость, а что воспринималось как негативное явление. Основными монашескими добродетелями всегда считались послушание и смирение. Другим, восхваляемым всеми источниками качеством было нестяжание. Как добродетель воспринималось целомудрие.

Нравственный мир монастыря, разумеется, отличался от мира, окружающего его древнерусского социума. В этом и заключался смысл ухода в монастырь – создать за его стенами близкие к идеальным условия для совершения аскетических подвигов во имя спасения души. Само пребывание в обители должно было являться подвигом. На это была направлена вся духовно-нравственная жизнь обители – длительное богослужение, благоговейное поклонение святыням, назидательное чтение за службой и трапезой, отказ от своеволия и т.д. Однако молодое древнерусское христианство с жаром неопита не могло быть удовлетворено обычным, пусть и тяжелым, монастырским бытом и породило подвижничество. Основных видов аскетических трудов древнерусское монашество знало три – затворничество, столпничество и юродство ради Христа.

Подвиги, святость, парадное богослужение – все это своеобразный фасад монастыря. Этим, разумеется, не исчерпывался внутренний мир древнерусских обителей. С поступлением в монастырь человеческая природа оставалась столь же «удобопреклонной ко греху». Греховность среди монахов, несомненно, присутствовала и оказывала влияние на монастырскую повсе-

дневность. Не чужды были древнерусские иноки и церковного карьеризма. Другой бедой древнерусского иночества было сребролюбие. Часто упоминаемым в источниках грехом было уныние. В Патерике состояние уныния называется «туга».

Помимо личной греховности, в монастырской среде присутствовали явления, не соответствовавшие самому духу монашества. Например, таким явным злоупотреблением монашеским званием, распространенным в Древней Руси, было пострижение перед смертью вне монастыря. Другим явным злоупотреблением монашеским званием было использование монашеского платья в корыстных целях различными маргинальными слоями.

Четвертая глава «МОНАСТЫРЬ И МИР» посвящена отношениям внутреннего мира монастыря с внешней средой – древнерусским социумом. Первой областью взаимоотношений монастыря и мира была разнообразная социальная деятельность монастырей (§ 1 **«Формы социальной деятельности древнерусского монастыря»**). Можно выделить несколько ее основных направлений. Первое - это активное участие монахов в жизни мирян в качестве духовных лиц наравне с приходским духовенством. Второе - помощь бедным, больным, нищим, находящимся в заключении. Наконец, нельзя не сказать о том, что иночество оказывало свое влияние и на общественное сознание современников.

Совершенно особую связь с миром поддерживал монастырь в виде духовничества. Изучению данного явления посвящен § 2 (**«Духовничество в Древней Руси»**). Речь идет о бытовании в древнерусском обществе церковного таинства покаяния или исповеди. Древнерусские иноки, будучи духовниками мирян, безусловно, оказывали на них влияние. Выражалось оно в «прививании» древнерусскому обществу христианских, нравственных идеалов. Естественно, что в таком случае необходимо не столько увещевание, сколько личный пример. И такой пример был найден в лице древнерусского иночества. Скорее всего, именно это обстоятельство обеспечило промонаше-

ский, аскетический взгляд всей древнерусской христианской общественной мысли. Инок — духовник, собирая покаяльную семью, служил одним из консолидирующих элементов древнерусского общества. В заключение заметим, что изучение такой сферы как покаянная дисциплина Древней Руси открывает перед историком повседневности совершенно новые возможности для реконструкции общей картины прошлого.

В § 3 «**Формы общественной жизни древнерусского монашества**» исследуется публичная деятельность древнерусского монашества в лице игуменов и архимандритов крупнейших из них. Именно монастыри являлись источником для епископских хиротоний, а значительная роль архиереев в политической жизни средневекового общества очевидна.

Другой формой участия иноков в политике было поддержание общественного мира. Так в обителях решались конфликты между враждебно настроенными князьями, боровшимися между собой за владение киевским столом. Монастыри иногда служили местом заключения для политических соперников.

Таким образом, древнерусский монастырь не был изолированной структурой, а находился в самом тесном контакте со всеми слоями окружающего его общества. Игумены и архимандриты действовали в качестве активных политических фигур, своим авторитетом воздействуя на общественное мнение. Монастыри занимались обширной социальной деятельностью, охватывавшей практически все слои населения.

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются наиболее важные выводы. Результатом исследования стала реконструкция всех возможных сторон быта и нравов монастырей Древней Руси. Древнерусский монастырь был уникальным явлением. С одной стороны, он жил по своим внутренним законам, отличным от общепринятых. Этим обстоятельством, монастырь оказывался внутренне, нравственно изолирован от мира. С дру-

гой, связь между миром и монастырем не прерывалась, а носила постоянный характер взаимного общения.

К сожалению, специфика сохранности источниковой базы не позволила, за небольшим исключением, восстановить особенности быта скитов, пустыней и женских монастырей Древней Руси. Настоящее исследование относится, главным образом, к мужским общежительным монастырям. Между тем, они не были единственной формой иноческого бытия. Представляется, что изучение особенностей быта и нравов других форм монастырского устройства дело будущего.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Харин, Е. С. Уставы как источник по истории русского монашества. [Текст] / Е. С. Харин // 4-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. – Ижевск, 1999. - С. 21 – 22.
2. Харин, Е. С. К вопросу о характере древнерусского православия. [Текст] / Е. С. Харин // 5-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. - Ижевск, 2001. - С. 17-19.
3. Харин, Е. С. Митрополит Макарий как историк Церкви. [Текст] / Е. С. Харин // 6-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. - Ижевск, 2003. - С. 10 - 12.
4. Харин, Е. С. Формирование историографической традиции изучения древнерусской церковной истории. [Текст] / Е. С. Харин // Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию проф. А. С. Шофмана. - Казань, 2003. - С. 201-205.
5. Харин, Е. С. Об изучении некоторых вопросов начальной русской церковной истории. [Текст] / Е. С. Харин // Всероссийская заочная научная конференция. - СПб, 2004. - С. 6-10.
6. Харин, Е. С. Епископ Амвросий (Орнатский). [Текст] / Е. С. Харин // 7-я научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ. - Ижевск, 2005. - С. 11-13.

7. Харин, Е. С. Духовничество в Древней Руси. [Текст] / Е. С. Харин // Всероссийская научно-практическая конференция «Общественно-политическая мысль России: традиции и новации». - Т. 1.- Ижевск, 2007.- С. 143 -156.
8. Харин, Е. С. Проблема метода в исторической науке сегодня [Текст] / Е. С. Харин // Вопросы преподавания истории в школе – 2007. - № 1. - С. 24 – 26.